

Методы развития визуального мышления учеников в преподавательской работе В. О. Ключевского (к 175-летию со дня рождения учёного)

М. И. Матюшевская

Василий Осипович Ключевский известен в мировой исторической науке как выдающийся исследователь и педагог. Он родился 28 января 1841 года в селе Воскресенка Пензенской губернии в семье священника. Получил образование в Пензенском духовном училище, а затем — на историко-филологическом факультете Московского университета. По рекомендации С. М. Соловьёва в 1865 году В. О. Ключевский был оставлен при кафедре русской истории, где написал и защитил две диссертации. По итогам своей карьеры он стал ординарным профессором Московского университета и вне штата — ординарным академиком Императорской Санкт-Петербургской академии наук, председателем Императорского общества истории и древностей российских при Московском университете, тайным советником. Отечественная наука может гордиться тем, что В. О. Ключевский избирался почётным членом Витебской учёной архивной комиссии, действовавшей с 1909 года по 1918 год [1].

Творческое наследие В. О. Ключевского значительно превышает опубликованное сегодня 9-томное собрание его сочинений. Он являлся ведущим лектором четырёх высших учебных заведений Москвы. Помимо Московского университета, В. О. Ключевский 36 лет преподавал в Московской духовной академии, размещавшейся в Сергиевом Посаде, 16 лет — в Александровском военном училище, свыше 15 лет — на Высших женских курсах, руководимых В. И. Герье. Он работал со студентами Московского училища живописи, ваяния и зодчества. В 1893—1895 годах по поручению императора Александра III В. О. Ключевский читал курс всеобщей и русской истории великому князю Георгию Александровичу [2].

Талантливого учёного и педагога не стало 25 мая 1911 года. Его наследие — книги и научная школа, ядро которой составили известные советские историки и учёные-эмигранты: П. Н. Милюков, М. К. Любавский, А. А. Кизеветтер, М. М. Богословский, Ю. В. Готье, А. И. Яковлев,

Н. А. Рожков, С. В. Бахрушин, С. К. Богоявленский, В. И. Пичета. К школе В. О. Ключевского причисляли себя и многие другие яркие деятели науки и культуры первой половины XX века [3].

Большой вклад В. О. Ключевского в развитие российского образования и науки обусловил не угасающий уже более ста лет интерес к изучению его творчества. Историографическая литература, посвящённая В. О. Ключевскому, довольно обширна. Деятельность учёного получила самые разнообразные и порой взаимоисключающие оценки и определения.

Наиболее полно в современной науке дана характеристика В. О. Ключевского как историка-исследователя. В гораздо меньшей степени описано его педагогическое мастерство. Между тем В. О. Ключевский именно в роли педагога вызывал больше всего восторгов у тех, кто соприкасался с ним. Об этом свидетельствуют опубликованные воспоминания его учеников. Сам В. О. Ключевский в своих афоризмах, дневниках, лекционных курсах также много внимания уделял вопросам преподавания. Его

мысли и опыт — ценная сокровищница знаний.

Преподавательскую работу В. О. Ключевский выделял в самостоятельную область творчества. Её суть он показал в своих афоризмах. Один из них раскрывал его общую лекторскую установку: «Говоря публично, не обращайтесь ни к слуху, ни к уму слушателей, а говорите так, чтобы они, слушая Вас, не слышали Ваших слов, а видели Ваш предмет и чувствовали Ваш момент; воображение и сердце слушателей без Вас и лучше Вас сладят с их умом» [4, с. 403]. Как этого достичь, объясняется в другом афоризме: «Развивая мысль в речи, надо сперва схему её вложить в ум слушателя, потом в наглядном сравнении предъявить её воображению и, наконец, на мягкой лирической подкладке осторожно положить на слушающее сердце, и тогда слушатель — Ваш военнопленный, и сам не убежит от Вас, даже когда Вы отпустите его на волю, останется вечно послушным Вашим клиентом» [там же, с. 400].

В эффективности данных В. О. Ключевским рекомендаций убеждают воспоминания его учеников. Они дополнили афоризмы учителя своими наблюдениями и описаниями его преподавательской деятельности. В частности, по характеристике М. М. Богословского, В. О. Ключевский был «художником для абстракций». В его лекторском стиле сочетались такие качества, как точность, сила и образность. Точность языка при сжатости выражений придавала изложению некоторую математичность, что разительно отличало лекции учёного от других исторических курсов, страдавших расплывчатостью, небрежностью и засорённостью языка иностранными словами. Эта математичность создавалась благодаря ёмким определениям и формулам, к которым любил прибегать В. О. Ключевский и которые делали его обширный «Курс русской истории» доступным для памяти. М. М. Богословский утверждал, что предлагавшиеся им формулы действительно обладали свойством запоминаться со студенческой скамьи на всю жизнь [5, с. 67].

Анализу образности как неотъемлемой черты преподавания историка много внимания уделил А. А. Кизеветтер. По его мнению, В. О. Ключевский гармонично сочетал

*Мария Иосифовна Матюшевская,
кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры археологии и специальных
исторических дисциплин Могилёвского
государственного университета
имени А. А. Кулешова*

дар схематизации с чутьём конкретного исторического момента. В его «Курсе русской истории» элементы рассказа, чисто фактического повествования занимали небольшое место, но исторический процесс никогда не изображался им упрощённо. Напротив, учёный преподносил слушателям теоретические выводы с той наглядной ясностью, которая порой граничила с осязаемостью. Этому, по мысли А. А. Кизеветтера, способствовали специальные приёмы: пояснительный образ, краткая и яркая формула, образные уподобления и высокохудожественные сравнения, подчёркивавшие связь отдельного факта со всем строем эпохи [6, с. 173—174].

А. А. Кизеветтер приводил примеры из лекций В. О. Ключевского: «... ему нужно очертить своеобразный характер борьбы боярства с царской властью в XVI столетии, борьбы глухой, придавленной, тускло выраженной, и ему достаточно для этого пяти слов: “это, — говорит он, — скорее пантомима, чем драма”... Указывая на бессистемность в строе центральных правительственных учреждений в московском государстве, Ключевский замечает: “московское управление складывалось, как строились московские государевы дворцы; вместе с ростом царской семьи и хозяйства к основ-

Василий Осипович Ключевский

ному корпусу прибавлялись пристройки и надстройки, терема, светлицы, новые переходы". И не оттеняется ли этим сравнением важное наблюдение, что в жизни московского государства вотчинные привычки на каждом шагу брали верх над политическими принципами ...» [там же, с. 174].

Кроме того, А. А. Кизеветтер подчёркивал: изображая перед слушателями словесную схему русской истории, В. О. Ключевский воспроизводил историческую действительность перед духовным взором аудитории. Он волновал мысль своих учеников, зажигал в них интерес к исторической науке.

Свой взгляд на лекторские приёмы В. О. Ключевского высказал Ю. И. Айхенвальд. Он подошёл к их анализу с иной, лексической, стороны и показал, насколько нераздельны у учёного мысль и слово.

По мнению Ю. И. Айхенвальда, излюбленными приёмами В. О. Ключевского были антитезы, сравнения, хиазмы (крестообразные соединения одних и тех же слов), высвечивание полутонов мыслей и оттенков идей, остроумные сопоставления, шутки и даже каламбуры, в которых могла скрываться целая историческая концепция. Их действие на слушателей усиливалось мане-

рой преподавания. У В. О. Ключевского всё несло на себе смысловую нагрузку: фонетика речи, её музыкальный тон, артистизм, превращавший лекции в скрытые диалоги с присутствующими им кульминационными подъёмами и неожиданными переходами настроений, личностное отношение исследователя к изучаемому материалу, его человеческое обаяние, скептический юмор и доброта. Такое комплексное влияние историка на аудиторию отмечали все без исключения его слушатели, но Ю. И. Айхенвальд дал, пожалуй, самое верное определение — «ум играющий» [там же, с. 135].

Ю. И. Айхенвальд пояснял свои выводы на следующих примерах словесных формул В. О. Ключевского: «... государство пухло, а народ хирел»; «Личная свобода становилась обязательной и поддерживалась кнутом ...»; «Пётр (Великий) отлился односторонне, но рельефно, вышел тяжёлым и вместе вечно-подвижным, холодным, но ежеминутно готовым к шумным взрывам — точь-в-точь как чугунная пушка его петрозаводской отливки ...»; «Манифест 18 февраля (1762 г.), снимая с дворянства обязательную службу, ни слова не говорит о дворянском крепостном праве, вытекавшим из неё, как из своего источника. По требованию исторической логики или общественной справедливости на другой день, 19 февраля, должна была бы последовать отмена крепостного права; и она последовала на другой день, только спустя 99 лет ...» [там же, с. 134—135]. Ю. И. Айхенвальд заключал: словесные формулы, шутки и каламбуры В. О. Ключевского сочетали в себе субъективность его ума и объективность исторического факта. Причём все они преподносились очень легко. У слушателей не возникало впечатления, что за ними скрывалась огромная предварительная работа учёного.

Ещё один момент в преподавательской деятельности В. О. Ключевского, на который обращали внимание многие его ученики, — умение подбирать научные термины. В исторической науке России рубежа XIX—XX веков терминология была ещё слабо разработана. Не подготовленные со школьной скамьи к специальной лексике студенты I курсов с трудом её воспринимали. Поэтому в лекциях В. О. Ключевский прибегал к модернизации используемых терминов.

В «Курсе русской истории» учёный нередко употреблял такие понятия, как «вольные рабочие Киевской Руси», «новгородские капиталисты XII века», «служилый землевладельческий пролетариат Руси XVI века», «черносотенцы XVII века» и т. д. Подобная модернизация являла собой попытку увязать эти исторические понятия с уровнем изучающего её сознания. При этом В. О. Ключевский всегда проводил чёткую грань между современностью и прошлым. Преподносимый исторический материал, он обязательно определял их «расстояние». Поэтому его научная модернизация была условной, а лекции — доступными для восприятия студентов.

Свидетельством тому являются воспоминания А. А. Кизеветтера и П. Н. Милюкова. А. А. Кизеветтер, сравнивая сближения древних и новых понятий В. О. Ключевского со школьным приёмом, доказывал, что это не было связано с его действительным видением исторического процесса [там же, с. 170]. П. Н. Милюков выражал своему учителю благодарность за педагогичность изложения. Он писал, что В. О. Ключевский переводил студентам русскую историю с неведомого и недоступного языка документов, и они уверенно ухватывались за его прочно обоснованные и искусно классифицированные выводы. Так, благодаря В. О. Ключевскому они впервые поняли русскую историю [там же, с. 187].

Как педагог В. О. Ключевский понимал важность целенаправленной работы со студенческой аудиторией. В статье, посвящённой своему учителю — С. М. Соловьёву, он подчёркивал, что преподавание принадлежит к особому разряду деятельности. В нём есть много индивидуального, личного, что чувствуется только теми, на кого преподавание обращено. В. О. Ключевский сравнивал учителя с проповедником и отмечал, какого труда требует мастерское владение этим ремеслом [7, с. 58].

Как педагог В. О. Ключевский понимал важность целенаправленной работы со студенческой аудиторией. Он подчёркивал, что преподавание принадлежит к особому разряду деятельности. В нём есть много индивидуального, личного, что чувствуется только теми, на кого преподавание обращено.

Большое значение В. О. Ключевский придавал внеаудиторным занятиям со студентами. Ю. В. Готьё вспоминал, что он был строгим научным руководителем. Активно откликаясь на просьбы о помощи, поступавшие от артистов, художников, политиков, В. О. Ключевский не любил, когда к нему обращались с вопросами специалисты. «Сам приходи», — говорил он. Это требование предполагало основательное знакомство с первоисточниками и умение сверить их с исторической литературой. Молодых учёных такое поведение В. О. Ключевского поначалу обескураживало. Но впоследствии, выдержав суровый экзамен на самостоятельность, они по достоинству оценивали тактику своего учителя. Тем более что в этом случае менялся и его метод работы с ними. С учёными, не побоявшимися черновых исследований и доказавшими свою способность к ним, В. О. Ключевский щедро делился опытом. Он сообщал столько сведений, что очарованному слушателю приходилось прилагать усилия, чтобы «не утратить сыпавшиеся перед ним богатства» [6, с. 180—182].

Такая позиция В. О. Ключевского как научного руководителя во многом объяснялась его личными качествами. А. А. Кизеветтер отмечал: В. О. Ключевский в глубине души был очень отзывчивым и добрым человеком. Известны случаи, когда, занимая должность декана исторического факультета, он, усталый и голодный, ехал прямо из университета в отдалённый переулок, поднимался по высокой лестнице в студенческую мансарду для того, чтобы сообщить студенту только что принятое благоприятное для него постановление факультета. Но В. О. Ключевский никогда не смешивал доброту с попустительством человеческим слабостям. Это всегда отражалось на его отношениях с учениками [там же, с. 175].

В афоризмах В. О. Ключевский писал по поводу своей педагогической позиции сле-

Занимая должность декана исторического факультета, В. О. Ключевский, усталый и голодный, ехал прямо из университета в отдалённый переулочек, поднимался по высокой лестнице в студенческую мансарду для того, чтобы сообщить студенту только что принятое благоприятное для него постановление факультета.

дующее: «Самый дорогой дар природы — весёлый, насмешливый и добрый ум» [4, с. 416]; «Высшая задача таланта — своим произведением дать людям понять смысл и цену жизни» [там же, с. 385]; «Чтобы быть хорошим преподавателем, нужно любить то, что преподаёшь, и любить тех, кому преподаёшь» [там же, с. 371]; «Кто не способен работать по 16 часов в сутки, тот не имел права родиться и должен быть устранён из жизни как узурпатор бытия» [там же, с. 378].

В преподавательской деятельности В. О. Ключевский ставил перед собой задачу воспитать знающую историю Отечества, высоконравственную, духовную и трудолюбивую личность. Примером для подражания была вся его творческая жизнь. Таким мы воспринимаем его и сегодня.

Современные педагогика и психология развиваются быстрыми темпами. Во второй половине XX века благодаря междисциплинарным исследованиям появились новые на-

правления теоретической мысли, которые сегодня обогащают идеями практическую работу в средней и высшей школе. Одной из таких новаций выступает понятие визуального мышления, подразумевающее творческое решение проблемных задач на основе образного моделирования. В. О. Ключевский не владел такими знаниями. Однако он имел дар наставника и умело им пользовался, когда преподносил результаты собственных трудов ученикам. Своим талантом теоретика, лекторским и актёрским мастерством он создавал атмосферу, способствующую формированию и развитию у них визуального мышления. Информацию, которая не в полной мере соотносилась с представлениями слушателей, он излагал так, что в их умах складывались яркие картины и образы исторических событий.

Опыт преподавания В. О. Ключевского актуален и сегодня. Он делает научно-педагогическое наследие учёного востребованным и значимым.

Список цитированных источников

1. Нечкина, М. В. Василий Осипович Ключевский: история жизни и творчества / М. В. Нечкина. — М. : Наука, 1974. — 638 с.
2. Александров, В. А. Предисловие / В. А. Александров, В. Л. Янин // Сочинения : в 9 т. / В. О. Ключевский; под ред. В. Л. Янина. — М. : Мысль, 1987. — Т. I : Курс русской истории. — Ч. 1. — С. 5—32.
3. Гришина, Н. В. «Школа В. О. Ключевского» в исторической науке и российской культуре / Н. В. Гришина. — Челябинск : Энциклопедия, 2010. — 287 с.
4. Ключевский, В. О. Сочинения : в 9 т. / В. О. Ключевский; под ред. В. Л. Янина. — М. : Мысль, 1990. — Т. IX : Материалы разных лет. — 525 с.
5. Богословский, М. М. Историография, мемуаристика, эпистолярная / М. М. Богословский. — М. : Наука, 1987. — 214 с.
6. Ключевский, В. О. Характеристики и воспоминания / В. О. Ключевский. — М. : Научное слово, 1912. — 217 с.
7. Ключевский, В. О. Сочинения : в 9 т. / В. О. Ключевский; под ред. В. Л. Янина. — М. : Мысль, 1989. — Т. VII : Специальные курсы (продолжение). — 508 с.